

В. Ф. Михеев, Г. Ф. Михеев

«Ленинградское дело»
(по материалам следственных дел)
(часть II)¹

На следующий допрос² капитан Меркулов вызвал Ф. Е. Михеева лишь через два с половиной месяца — 14 сентября 1950 г. Единственным вопросом, который выяснялся на нем, был следующий: почему, называя место своего рождения, Ф. Е. Михеев указал, что Новоржевский район находится в Калининской области, тогда как на самом деле он входит в состав Псковской области. Ф. Е. Михеев пояснил, что ранее, до 1945 г., когда были образованы Псковская и Новгородская области, этот район действительно относился к Калининской области, и, говоря о месте рождения, он приводил старое административное деление.

Однако сроки, видимо, поджимали, и поэтому в этот же день капитан Меркулов вынес «Постановление (о предъявлении обвинения)»³ — третье по счету! Постановление было согласовано с полковником В. И. Комаровым и утверждено начальником следчасти по особо важным делам МГБ СССР генерал-майором А. Г. Леоновым.

Этот документ констатировал, что «МИХЕЕВ достаточно избобляется в том, что, работая управляющим делами Ленинградского областного и городского комитетов ВКП(б), проводил вредительско-подрывную работу в партийном и советском аппарате и был связан по преступной деятельности с КУЗНЕЦОВЫМ, ПОПКОВЫМ, КАПУСТИНЫМ и другими врагами партии». Далее приводится перечень преступлений, которые совершали эти «враги партии». Приводим обвинения полностью, поскольку именно они явились основанием для приговора на суде: «насаждали недовольство в ленинградской организации в отношении ЦК ВКП(б), обманывали и скрывали факты и документы с целью отрыва ленинградской организации от ЦК партии и намеревались превратить ленинградскую организацию в свою опору для борьбы с партией и ее ЦК; расставляли антипартийных людей

Михеев Валерий

Филиппович,

Михеев Георгий

Филиппович,

сыновья Ф. Е. Михеева,

управляющего делами

Ленинградских обкома

и горкома ВКП(б)

в 1940–1949 гг.

(Санкт-Петербург)

в различных пунктах СССР и, опираясь на них, имея в руках ленинградскую организацию, ставили своей целью взорвать партию изнутри и узурпировать партийную власть; избивали (!) честных коммунистов в руководящем составе ленинградской организации и смещали их с занимаемых постов, заменяя их политически разложившимися антипартийными и антигосударственными людьми с целью навязать ленинградской организации в качестве ее руководителей разложившихся людей — пьяниц и воров, обкрадывавших государство, пытаясь сделать ленинградскую организацию вполне послушной и угодной им; вели подрывную работу в государственных органах, нарушали государственные планы, дезорганизовали распределение материальных фондов и снижали темпы развития народного хозяйства страны». На основании вышеизложенного Меркулов постановил: «привлечь МИХЕЕВА Филиппа Егоровича в качестве обвиняемого по ст. ст. 58–1 “а”, 58–7 и 58–11 УК РСФСР».

Заметим, что из ранее предъявленных Ф. Е. Михееву статей обвинения выпали ст. 58–10 ч. 1 УК РСФСР и ст. 2-я Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. Видимо, даже следователям стало очевидно, что «добытые» ими материалы на эти статьи никак «не тянут»!

Следствие уже находилось в цейтноте, и 15 сентября 1950 г. старший следователь Меркулов вызвал Ф. Е. Михеева на допрос⁴ — последний. Отца ознакомили с постановлением, в котором он расписался. В протоколе фиксировалось признание Ф. Е. Михеева в том, что он виновен в инкриминированных ему преступлениях. На самом допросе фактически были повторены обвинения, сформулированные ранее — почти теми же фразами. Снова следовали обвинения во вредительско-подрывной деятельности в партийном и советском аппарате, выдвижении на руководящие посты «пьяниц, воров, беспринципных, скомпрометированных, морально и политически разложившихся людей». Особое место занимали обвинения, связанные с блокадой Ленинграда: «КУЗНЕЦОВ, а вместе с ним и ПОПКОВ, КАПУСТИН, СОЛОВЬЕВ выставляли себя единственными организаторами обороны Ленинграда и нагло скрывали факты и документы о ведущей и решающей роли ЦК ВКП(б) и Верховного Главнокомандующего в деле ликвидации блокады и разгрома немцев под Ленинградом. В этих целях они создали музей обороны Ленинграда, где на видных местах вывесили свои портреты огромных размеров <...> КУЗНЕЦОВ всеми мерами стремился показать, что только он один решает все важные вопросы обороны города и что только благодаря ему Ленинград стойко держится...»

Очень раздражало и то, что «участники <...> вражеской группы широко культивировали идею об особом значении Ленинграда в политическом, экономическом и культурном развитии

Ф. Е. Михеев

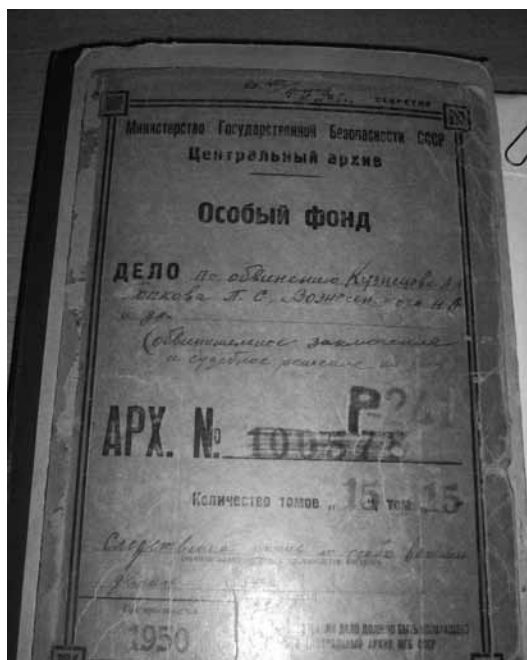
страны и об особом положении ленинградской организации, которая будто бы задает тон всей партии» и «что ленинградцы — ведущая сила в стране». Подробно смаковались банкеты и коллективные «пьянки», руководители обвинялись в злоупотреблении спиртными напитками, выпячивалась «неблаговидная» роль обкомовского дома отдыха на Каменном острове... Вновь повторялись обвинения в нарушениях финансовой дисциплины, разбазаривании продовольственных и материальных фондов, использовании государственных средств в целях личного обогащения и т. п. Подчеркивалось, что «...КУЗНЕЦОВ, работая уже в Москве, продолжал держать в повиновении бывших руководителей ленинградской организации и тянул из Ленинграда своих людей, расставляя их в различных пунктах СССР».

В тексте протокола красным карандашом отчеркнуто несколько абзацев, а многие строки — подчеркнуты.

Маховик следствия раскручивался все стремительнее. Видимо, «наверху» было уже принято решение о том, как будет проходить процесс и кто будет в нем фигурировать. В связи с этим 25 сентября 1950 г. появилось «Постановление (об объединении дел в одно следственное производство)»⁵, подписанное помощником начальника следчасти по осо-

бо важным делам МГБ СССР подполковником Путинцевым и утвержденное за генерал-майора А. Г. Леонова полковником В. И. Комаровым.

В этом документе утверждалось, что Кузнецов А. А., Попков П. С., Вознесенский Н. А., Капустин Я. Ф., Лазутин П. Г., Родионов М. И., Турко И. М., Закржевская Т. В. и Михеев Ф. Е. «арестованы за вредительско-подрывную работу в партийном и советском аппарате» и что они, «намереваясь превратить ленинградскую организацию в свою опору для борьбы с ЦК ВКП(б), насаждали в ней недовольство в отношении ЦК ВКП(б), избивали и устраняли честных коммунистов из руководящего состава ленинградской организации, заменяя их политически и морально разложившимися людьми, расставляя антипартийных людей в других пунктах СССР и, опираясь на них, имея в руках ле-

**Дело А. А. Кузнецова, П. С. Попкова,
Н. А. Вознесенского и др.**

нинградскую организацию, ставили своей целью взорвать партию изнутри и узурпировать партийную власть; вели подрывную работу в государственных органах, нарушали государственные планы, дезорганизовывали распределение материальных фондов и снижали темпы развития народного хозяйства страны». Поэтому Путинцев, «имея в виду, что названные выше обвиняемые были между собой тесно связаны», постановил: следственные дела Кузнецова А. А., Попкова П. С., Вознесенского Н. А., Капустина Я. Ф., Лазутина П. Г., Родионова М. И., Турко И. М., Закржевской Т. В. и Михеева Ф. Е. «объединить в одно общее следственное производство».

26 сентября 1950 г. старший помощник Главного военного прокурора генерал-майор юстиции Николаев составил обвинительное заключение⁶, в котором были окончательно определены главные обвиняемые, выводимые на процесс. Обвинительное заключение было утверждено Главным военным прокурором генерал-лейтенантом юстиции А. П. Вавиловым. В заключении обстоятельно, с цитированием «добытых» показаний обвиняемых, «доказывалась» их «вина». Среди этих обвинений в самом начале заключения приводились показания основной фигуры процесса — А. А. Кузнецова, из которых следовало, что «антипартийная группа повела линию на отрыв ленинградской организации от Центрального Комитета ВКП(б) и **лично СТАЛИНА** (выделено нами. — Г. М.)». Более страшное преступление в те годы невозможно было представить, и поэтому исход процесса был предопределен.

Одно из самых «весомых» обвинений было сформулировано следующим образом: «следует считать установленным, что вредительско-подрывная работа в партии КУЗНЕЦОВА, ПОПКОВА, ВОЗНЕСЕНСКОГО, РОДИОНОВА, КАПУСТИНА, ЛАЗУТИНА и других обвиняемых по делу выразилась в расстановке антипартийных людей в различных пунктах СССР, **используя при этом доверие тов. ЖДАНОВА** (выделено нами. — Г. М.); опираясь на таких антипартийных людей и имея в руках ленинградскую организацию, участники вражеской группы ставили своей целью взорвать партию изнутри и узурпировать партийную власть». Имя А. А. Жданова упоминается только в обвинительном заключении. В остальных материалах, с которыми автору удалось ознакомиться, это имя не фигурирует.

Окончательно же вся эта «группа» из девяти человек обвинялась:

«1. во вредительско-подрывной работе в партии, выразившейся:

а) в насаждении недовольства в ленинградской организации в отношении ЦК ВКП(б) и в намерении превратить ленинградскую организацию в свою опору для борьбы с партией и ее ЦК, как это делали зиновьевцы; б) в расстановке антипартийных людей в различных пунктах СССР, от Ленинграда до Крыма, от Прибалтики и до Волги, с использованием для этого доверия тов. Жданова, и, опираясь на таких антипартийных людей, имея в руках ленинградскую организацию, ставили своей целью взорвать партию изнутри и узурпировать партийную власть; в) в политическом и моральном избиении честных коммунистов в руководящем составе ленинградской организации и смещении их с занимаемых постов, замене

их политически разложившимися, антипартийными и антигосударственными людьми с целью навязать ленинградской организации в качестве ее руководителей разложившихся людей – пьяниц и воров, обкрадывавших партию и государство, и сделать ленинградскую организацию вполне послушной и угодной им;

2. во вредительско-подрывной работе в государственных органах, выразившейся:

а) в нарушении <...> государственных планов и снижении темпов развития народного хозяйства страны; б) в дезорганизации <...> распределения материальных фондов между организациями и передаче в преступных целях этих фондов, за счет других ведомств и областей, тем организациям, в которых у руководства находились свои люди, — то есть преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58–1 “а”, 58–7 и 58–11 УК РСФСР».

И, как итог, констатировалось, что «обвиняемые по настоящему делу подлежат передаче суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР». Кроме того, указывалось, что «дела в отношении <...> (приведены 16 фамилий бывших ленинградских руководителей, судимых позднее. — Г. М.) выделены в особое производство».

Прокомментируем пункт 1б заключения. Из него следовало, что как будто бы «от Москвы до самых до окраин» руководящие посты в республиканских и областных партийных организациях и советских органах начали занимать выходцы из Ленинграда, тем самым узурпируя власть и угрожая существующему строю. На самом деле, как свидетельствуют современные исследования в данной области, дело обстояло совсем не так. Действительно, в 1945–1948 гг. имели место назначения ленинградских партийных и советских работников на руководящие посты в другие регионы страны и центральный аппарат, но они имели единичный характер и не выходили за рамки обычной в то время ротации партийных и советских руководящих кадров. Кроме того, со всей очевидностью можно утверждать, что все эти выдвижения неусыпно контролировались со стороны ЦК ВКП(б), и всякого рода случайности были исключены. Как показывает К. А. Болдовский в своей работе⁷, «выдвижение ленинградских работников <...> не носило характера массовой кадровой экспансии. Эти люди вряд ли могли образовать устойчивую группу, способную изменить расстановку сил на высших уровнях государственной и партийной власти».

Обвинительное заключение было направлено в «ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б) товарищу СТАЛИНУ И. В.» Сопроводительное письмо⁸ подписано В.С. Абакумовым и А.П. Вавиловым. В письме, в котором они просили указаний вождя, подробно оговаривались детали предстоящего процесса. Предлагалось основных обвиняемых — А. А. Кузнецова, П. С. Попкова, Н. А. Вознесенского, Я. Ф. Капустина, П. Г. Лазутина, М. И. Родионова приговорить «к смертной казни — расстрелу, без права помилования, с немедленным приведением приговора суда в исполнение» (выделено нами. — Г. М.). Остальным (И. М. Турко, Т. В. Закржевская, Ф. Е. Михеев) — длительные сроки тюремного заключения. То есть фактически все уже было predeterminedено еще до суда.

Из письма видно, что И. В. Сталин предпочел создать хотя бы видимость законности и справедливости, в связи с чем внес изменения в предложенный 23 марта 1950 г. В. С. Абакумовым сценарий. Здесь же решался и вопрос «А судьи кто?» — были предложены проверенные кандидатуры: генерал-майоры юстиции — председательствующий, заместитель председателя Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР И. О. Матулевич, члены суда И. М. Зарянов и И. В. Детистов. Предлагалось «дело заслушать в Ленинграде **без участия сторон (прокурора и адвокатов)** (выделено нами. — Г. М.) в закрытом заседании, без опубликования в печати, но в присутствии 100–150 чел. из числа партийного актива ленинградской организации». Видимо, произошла некоторая задержка, поскольку процесса предполагалось начать 25 сентября 1950 г., а обвинительное заключение было подписано лишь 26 сентября.

Очевидно, высочайшее одобрение было получено, и 27 сентября 1950 г. началась активная работа по завершению всех формальностей, предшествующих суду. В этот день состоялось подготовительное заседание Военной Коллегии Верховного суда СССР (И. О. Матулевич, И. В. Детистов, И. М. Зарянов), с участием Главного Военного Прокурора Советской Армии генерал-лейтенанта юстиции А. П. Вавилова, на котором было рассмотрено обвинительное заключение. Протокол заседания⁹ подписал И. О. Матулевичем. В нем было указано, что, изложив обстоятельства дела, докладчик, А. П. Вавилов «полагает обвинительное заключение утвердить», а «обвиняемых КУЗНЕЦОВА, ПОПКОВА, ВОЗНЕСЕНСКОГО, КАПУСТИНА, ЛАЗУТИНА, РОДИОНОВА, ТУРКО, ЗАКРЖЕВСКУЮ и МИХЕЕВА предать суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР по выводам обвинительного заключения. Дело назначить к слушанию на 29 сентября 1950 года в гор. Ленинграде в открытом судебном заседании, без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей. Содокладчик генерал-майор юстиции МАТУЛЕВИЧ с мнением докладчика согласен».

После совещания было вынесено определение подготовительного заседания Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР¹⁰, которая, рассмотрев обвинительное заключение и, «принимая во внимание, что предварительное следствие проведено с достаточной полнотой и собранные в процессе следствия доказательства дают все основания для предания <...> обвиняемых суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР, а обвинительное заключение составлено в полном соответствии с материалами дела —

О П Р Е Д Е Л И Л А:

Обвинительное заключение утвердить и дело принять к своему производству.

Обвиняемых:

КУЗНЕЦОВА Алексея Александровича,

ПОПКОВА Петра Сергеевича,

ВОЗНЕСЕНСКОГО Николая Алексеевича,

КАПУСТИНА Якова Федоровича,

ЛАЗУТИНА Петра Георгиевича,
РОДИОНОВА Михаила Ивановича,
ТУРКО Иосифа Михайловича,
ЗАКРЖЕВСКУЮ Таисию Владимировну и
МИХЕЕВА Филиппа Егоровича —

передать суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР по ст. ст. 58–1 “а”, 58–7 и 58–11 УК РСФСР.

3. Дело назначить к слушанию на 29 сентября 1950 года в гор. Ленинграде в **открытом** судебном заседании Военной Коллегии, без участия обвинения и защиты и **без вызова свидетелей** (выделено нами. — Г. М.) .

4. Меру пресечения всем указанным выше обвиняемым оставить прежнюю — содержание под стражей».

Видимо, произошла некоторая корректировка предложенных ранее формулировок: предстоящее заседание суда на всякий случай назвали открытым, зато лишним признали вызов свидетелей. Определение также подписал И. О. Матулевич.

28 сентября 1950 г. отцу была вручена копия обвинительного заключения о предании его суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР по ст. ст. 58–1 «а», 58–7 и 58–11 Уголовного Кодекса РСФСР. Об этом свидетельствует расписка на бланке¹¹, в которой, помимо прочего, значится следующее: «мне объявлено, что дело по обвинению меня назначено к слушанию в судебном заседании Военной Коллегии Верховного Суда СССР **без** участия сторон обвинения и защиты и **без** вызова свидетелей (выделенное нами впечатано на пишущей машинке в типографский бланк расписки. — Г. М.)».

29–30 сентября 1950 г. в Ленинградском доме офицеров состоялось заседание суда Военной Коллегии, о котором много написано. Добавим только, что, как следует из протокола (стенограммы)¹², Ф. Е. Михеев был допрошен в первый же день, 29 сентября 1950 г., на утреннем заседании суда. Допрашивали его несколько раз, причем приводились те же самые обвинения, что и предъявляемые на допросах во время следствия. Заседание суда проходило по четко разработанному сценарию. Как и было запланировано, подсудимые признали свою вину:

«...ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый МИХЕЕВ, вы признаете себя виновным в предъявленном вам обвинении?

МИХЕЕВ. Признаю полностью».

Наконец, 30 сентября 1950 г., где-то после 19 часов:

«...ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Подсудимый МИХЕЕВ, суд предоставляет вам последнее слово.

МИХЕЕВ. Чистосердечно раскаиваюсь и прошу дать мне возможность искупить свою вину.

В 19 часов 45 минут председательствующий объявил, что суд удаляется на совещание для вынесения приговора <...> В 0 часов 59 минут 1 октября 1950 года, по возвращении суда из совещательной комнаты, председательствующий огласил приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу КУЗНЕЦОВА, ПОПКОВА и других¹³ и на этом объявил судебное заседание закрытым».

И вот — трагический финал. Практически сразу же после оглашения приговора Алексей Александрович Кузнецов, Петр Сергеевич Попков, Николай Алексеевич Вознесенский, Яков Федорович Капустин, Петр Георгиевич Лазутин, Михаил Иванович Родионов были расстреляны.

Непосредственно о суде, как вспоминает В. Ф. Михеев¹⁴, отец мог рассказать очень немного. По словам отца, из Москвы его привезли в невменяемом состоянии. Он плохо ориентировался в окружающем, и, как он говорил, все было как во сне. Он даже не был уверен, что находится в Ленинграде, а не в другом месте. Вспоминал лишь отдельные, не связанные друг с другом эпизоды. Такое состояние могло быть вызвано физическим и психическим истощением в результате почти годового следствия, но оно вряд ли могло быть связано со страхом перед предстоящим судом: отец надеялся, что суд наконец разберется и признает его невиновным. Так, он помнил, что следователь все время находился рядом и что-то постоянно внушал. Подсудимые, видимо, не находились в зале постоянно, а периодически вызывались, вернее, приводились туда конвойными для дачи показаний, по одному или по двое. Отец помнил, что Н. И. Вознесенский пытался возражать против обвинений. Чтения приговора и окончания суда он совершенно не мог вспомнить, а в себя стал приходить уже во Владимирской тюрьме.

Что касается признательных показаний обвиняемых, то, как следует из Определения Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 30 апреля 1954 г. № 4н-004862¹⁵, «их показания на следствии и суде, как выяснилось, не соответствуют действительности и явились результатом применения в отношении их незаконных методов следствия со стороны бывших работников МГБ СССР».

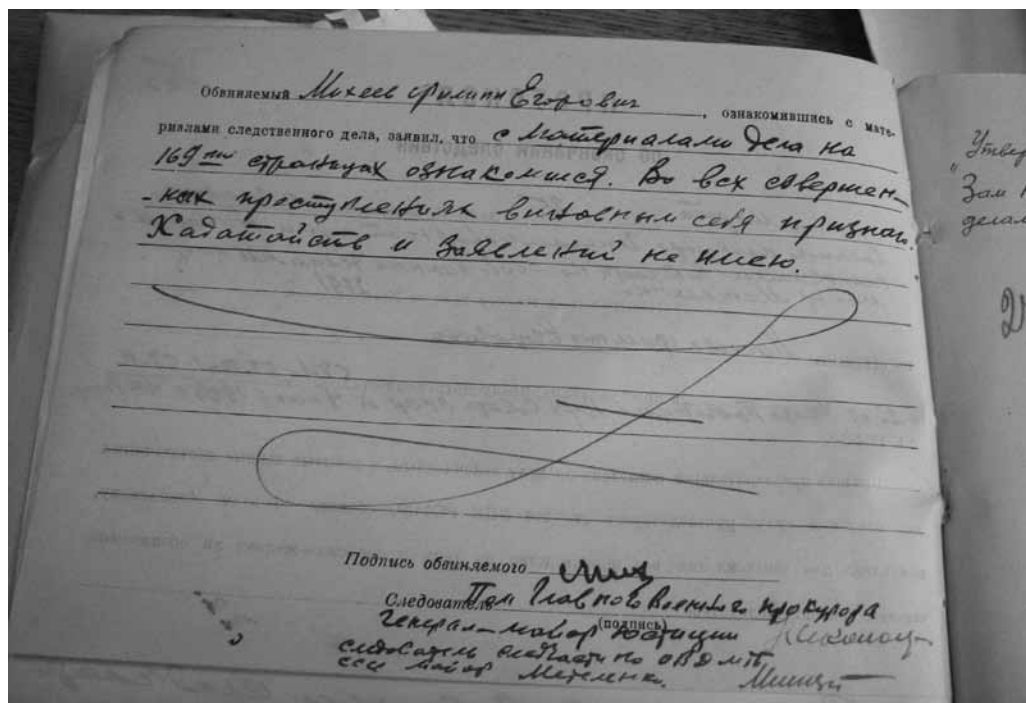
Позднее, как видно из записки Комитета партийного контроля при ЦК КПСС от 1 августа 1955 г.¹⁶, было установлено и признано, что и сам судебный процесс проводился с нарушением закона: прибывшие в Ленинград следователи МГБ держали под своим контролем поведение обвиняемых, разговаривали с ними в перерывах и все время находились в зале судебного заседания.

Говоря о приговоре, хотелось бы обратить внимание на следующее: установочным данным Н. А. Вознесенского, напечатанным на машинке, чернилами добавлено: «происходящего из семьи владельца сапожной мастерской». Аналогичное дополнение сделано к данным М. И. Родионова: «происходящего из кулаков». Здесь явно просматривается желание любой ценой подчеркнуть чуждость этих людей существующему строю. А в постановляющей части

приговора в отношении И. М. Турко, Т. В. Закржевской и Ф. Е. Михеева первоначальное решение «лишить свободы в ИТЛ» зачеркнуто и заменено на «подвергнуть тюремному заключению», что свидетельствует о «творческом» подходе судей к участи подсудимых и «объективности» принимаемых судом решений.

Приговор был вынесен, но только через месяц, 3 ноября 1950 г., оперуполномоченным следчасти по особо важным делам МГБ СССР старшим лейтенантом Скотниковым во исполнение его было вынесено «Постановление (о направлении в особую тюрьму)»¹⁷, согласованное с помощником начальника следчасти по особо важным делам МГБ СССР подполковником Хомичем и утвержденное полковником В. И. Комаровым. В этом документе констатировалось, что «МИХЕЕВ Ф. Е., будучи на партийной работе, проводил вредительско-подрывную работу в партии и государственном аппарате, за что Военной Коллегией Верховного суда СССР осужден к 10 годам тюремного заключения». И посему, «учитывая тяжесть совершенных МИХЕЕВЫМ преступлений», Скотников постановил: «направить МИХЕЕВА Филиппа Егоровича для отбытия наказания в особую тюрьму МГБ СССР (Владимирская тюрьма. — Г. М.)».

А далее — три года и почти пять месяцев во Владимирском центральном, по рассказам отца, с военными преступниками — немецкими и японскими генералами. В этот период Ука-

Подпись Ф. Е. Михеева

зом Президиума Верховного Совета СССР от 19 июля 1951 г. Ф. Е. Михеев был лишен ордена Красной Звезды, о чем свидетельствует отметка в учетной карточке к орденской книжке¹⁸ (сам указ отыскать не удалось). Права Ф. Е. Михеева на награду были восстановлены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 августа 1954 г.¹⁹ — ровно через пять лет после его ареста (вместе с одиннадцатью другими оставшимися в живых репрессированными ленинградцами). Затем, 30 апреля 1954 г., — реабилитация; возвращение в Ленинград в начале мая 1954 г.; холодный прием в Смольном; поиски работы; объяснения с партийной комиссией при Ленинградском обкоме и Комитетом партийного контроля при ЦК КПСС; многолетняя борьба за восстановление непрерывного партийного стажа, увенчавшаяся успехом лишь в 1959 г.

На этих моментах хотелось бы остановиться подробнее. В июне 1954 г., после возвращения Ф. Е. Михеева в Ленинград, бюро Ленинградского обкома КПСС приняло решение: «восстановить т. Михеева Ф. Е. членом КПСС **с перерывом в партстаже с августа 1949 г. по июнь 1954 г.** (выделено нами. — Г. М.)». Протокол²⁰ подписан первым секретарем обкома Ф. Р. Козловым, который, будучи в 1949 г. первым секретарем горкома партии, активно помогал В. М. Андрианову «раскрывать» «ленинградское дело»²¹.

В августе 1956 г. Ф. Е. Михеев обратился в парткомиссию при Ленинградском обкоме КПСС с просьбой об изъятии из партийных документов записи о перерыве в партстаже. Его заявление было рассмотрено на бюро обкома, где было принято решение: «отказать т. Михееву Ф. Е. в просьбе об изъятии перерыва в партстаже, т. к. злоупотребления служебным положением в личных целях и допущенная бесхозяйственность, в бытность его управделами Ленинградского обкома и горкома КПСС, материалами дела подтверждаются»²². То есть для обоснования отказа использовались те же формулировки, что и в ранее приведенном решении объединенного бюро Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) от 5 августа 1949 г. Более того, здесь проглядывает явная подтасовка фактов — в протоколе указывалось: «в апреле 1954 г. Военной Коллегией его (Ф. Е. Михеева. — Г. М.) дело было пересмотрено и производством прекращено». И ни слова о том, что, как это следует из справки Военной Коллегии Верховного суда СССР от 30 апреля 1954 г. № 4н-4862/54²³, «дело в отношении его в уголовном порядке **за отсутствием состава преступления** прекращено. МИХЕЕВ Ф. Е. **полностью реабилитирован** (выделено нами. — Г. М.)».

Необходимо отметить, что решение это было принято в противоречии с Постановлением Президиума ЦК КПСС от 9 мая 1956 г. № 15²⁴, пункт 8 которого недвусмысленно гласил: «предложить обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик при восстановлении в партии лиц, полностью реабилитированных в предъявлявшихся к ним обвинениях, не указывать перерыва в партийном стаже».

Остановимся на двух документах, которые летом 1959 г. были написаны Ф. Е. Михеевым. Это объяснительная записка в партийную комиссию при Ленинградском обкоме КПСС

от 10 июня 1959 г.²⁵ и письмо (согласно запросу комиссии ЦК КПСС) в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС от 12 июля 1959 г.²⁶ В этих документах опровергались обвинения в якобы незаконных и неоправданно больших затратах, связанных с бытовым обслуживанием и питанием партийных и советских руководителей Ленинграда в послевоенные годы, когда Ф. Е. Михеев был управляющим делами Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), которые еще до следствия прозвучали в ранее упомянутом решении объединенного бюро Ленинградских обкома и горкома ВКП(б) от 5 августа 1949 г. На самом деле затраты эти производились в строгом соответствии со сметой расходов, как это было принято и в других партийных организациях страны. Совершенно голословным являлось и утверждение о том, что об этих «незаконных» расходах не было известно ЦК ВКП(б). Опровергая это обвинение, Ф. Е. Михеев сообщал, что тот же Н. А. Ладыгин в качестве контролера-ревизора Управления делами ЦК ВКП(б) в 1947 г. проводил тщательную проверку финансово-хозяйственной деятельности Ленинградского обкома, в результате которой, по утверждению отца, «никаких замечаний по этому вопросу не было сделано».

Напомним также, что предъявленное в начале следствия обвинение по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» не вошло в обвинительное заключение. Думается, что этот факт говорит сам за себя.

Только в 1959 г., после вторичного обращения Ф. Е. Михеева в партийную комиссию при Ленинградском обкоме КПСС, бюро обкома приняло решение: «Изъять запись в партийных документах т. Михеева Ф. Е. о перерыве в партийном стаже с августа 1949 г. по июнь 1954 г.»²⁷

После этого — хозяйственная работа, персональная пенсия республиканского значения (при этом Ф. Е. Михеев продолжал партийную работу на Втором молочном заводе в Ленинграде) и скоропостижный уход из жизни в 1975 г.

... Прошло менее 20 дней после суда в Ленинградском доме офицеров — и пришли за женой Ф. Е. Михеева, Михеевой Анной Алексеевной. «Постановление (об избрании меры пресечения)»²⁸ от 19 октября 1950 г. было подписано старшим оперуполномоченным УМГБ ЛО лейтенантом Борисовым, начальником отдела УМГБ ЛО майором Сафоновым, согласовано с начальником отдела УМГБ ЛО подполковником Мокринским, утверждено за начальника Управления УМГБ ЛО генерал-лейтенанта Н. Д. Горлинского его заместителем и санкционировано, и. о. прокурора войск МВД ЛО, подполковником юстиции (фамилия неразборчива. — Г. М.). Этот документ гласил, что лейтенант Борисов, «рассмотрев материалы о преступной деятельности» (непонятно, какие. — Г. М.), «нашел»: «МИХЕЕВА **изобличается** (выделено нами. — Г. М.) в преступлениях предусмотренных 58–1–в УК РСФСР». Кем и как она изобличается, абсолютно не ясно. Статья же эта гласит следующее: «В случае побега или перелета за границу военнослужащего, совершеннолетние члены его семьи, если они

чем-либо способствовали готовящейся или совершенной измене, или хотя бы знали о ней, но не довели об этом до сведения властей, караются — лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией всего имущества. Остальные совершеннолетние члены семьи изменника, совместно с ним проживавшие или находившиеся на его иждивении к моменту совершения преступления — подлежат лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на пять лет»²⁹.

Не очень понятно, куда и как за границу сбежал или перелетел Ф. Е. Михеев (не являвшийся, к тому же, военнослужащим); тем не менее, лейтенант Борисов постановил: «Мерой пресечения способа уклонения от следствия и суда в отношении МИХЕЕВОЙ Анны Алексеевны избрать содержание во Внутренней тюрьме УМГБ ЛО».

Кстати, это постановление было предъявлено А. А. Михеевой лишь 31 октября 1950 г. Был предъявлен ордер на арест и обыск № 897 ³⁰, подписанный зам. начальника Управления МГБ ЛО. В ордере не было указано, какому именно сотруднику МГБ он выдан. На обратной стороне ордера имеется карандашная запись: «Читала», подпись А. А. Михеевой, и дата: 20/Х. Арестовывали маму сотрудники МГБ Дорофеев, Рудометов и Берман. Как положено, произвели обыск, составили опись имущества³¹, а также опечатали еще одну комнату в квартире, о чем был составлен соответствующий акт³².

В тюрьме (видимо, во внутренней тюрьме МГБ в Ленинграде) была составлена анкета арестованного³³, несколько отличающаяся по форме от той, которая была составлена на Ф. Е. Михеева в Лефортово. А. А. Михееву сфотографировали (в профиль и анфас), но отпечатка пальца сделано не было, хотя место для него было предусмотрено.

Первый допрос³⁴ состоялся 2 ноября 1950 г., судя по всему, уже в Лефортово. Провел его старший следователь следчасти по особо важным делам майор Гришаев. Допрос был установочным, носил нейтральный характер и в основном был посвящен подробному выяснению трудовой деятельности А.А. Михеевой. 4 ноября 1950 г. майор Гришаев вынес «Постановление»³⁵, утвержденное полковником В. И. Комаровым, в котором значилось, что «МИХЕЕВА является женой бывшего управделами Ленинградского горкома ВКП(б) МИХЕЕВА Ф. Е., осужденного за участие во враждебной группе, возглавлявшейся **изменником Родины** (такое определение звучит впервые! — Г. М.) КУЗНЕЦОВЫМ А.А.» А поскольку она — жена Михеева Ф. Е., то Гришаев постановил: «МИХЕЕВУ А. А., как социально-опасную личность привлечь к уголовной ответственности по ст.ст. 7, 35 УК РСФСР!»

Обратим внимание на то, что здесь уже не фигурировала ст. 58-1-в УК: видимо, товарищ майор исправил погрешности чересчур ретивого в работе (или еще неопытного) лейтенанта Борисова. А. А. Михеева ознакомилась с этим постановлением 5 ноября 1950 г. Статьи же 7 и 35 УК РСФСР гласят следующее:

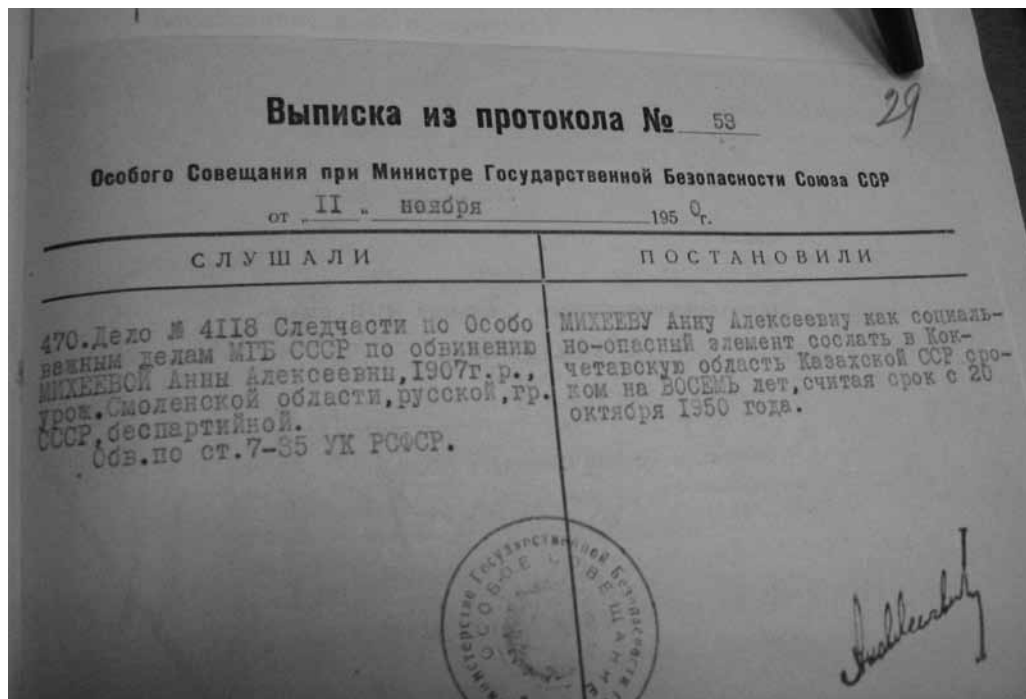
«7. В отношении лиц, совершивших общественно-опасные действия или представляющих опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности,

применяются меры социальной защиты судебно-исправительного, медицинского, либо медико-педагогического характера <...> 35. Удаление из пределов РСФСР или из пределов отдельной местности с обязательным поселением или запрещением проживать в других местностях или без этих ограничений, в соединении с исправительно-трудовыми работами или без исправительно-трудовых работ, может применяться судом в отношении тех осужденных, оставление которых в данной местности признается судом общественно-опасным. Удаление из пределов РСФСР или из пределов отдельной местности с обязательным поселением в других местностях назначается на срок от трех до десяти лет...»³⁶ Кстати, по этим статьям проходили и многие родственники других осужденных по «ленинградскому делу».

Далее дело раскручивалось стремительно. Уже 6 ноября 1950 г., рассмотрев материалы следственного дела «о преступной деятельности Михеевой Анны Алексеевны» и найдя, что «Михеева А. А. арестована за преступную деятельность против советской власти», своим постановлением³⁷ дело принял к производству старший следователь следственной части по особо важным делам подполковник Леонов. Утвердил постановление заместитель начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР полковник А. А. Болховитин. В тот же день (вернее, уже ночью) Леонов провел допрос А. А. Михеевой³⁸ — второй (и последний!). Следователь ознакомил ее с выпиской из приговора мужа, сообщил, о том, что тот «проводил вредительскую деятельность в партийном аппарате Ленинграда», и спросил, что ей было известно о его «преступной деятельности». А. А. Михеева рассказала о совместной жизни с отцом и сказала: «Однако о преступной работе его мне не известно. Сама я также антисоветскими делами не занималась». Тогда Леонов задал вопрос: «Михеев был тесно связан с разоблаченными изменниками Родины Кузнецовым, Попковым и другими, вместе с которыми проводил вражескую работу. Почему не показываете об этом?» А. А. Михеева ответила, что «Михеев действительно длительное время работал вместе с Кузнецовым и Попковым, но о преступной связи я ничего не знала».

Единственно существенные, с точки зрения следователя, моменты, отраженные им в протоколе, — то, что на банкете в честь отъезда А. А. Кузнецова в Москву, со слов Ф. Е. Михеева, якобы многие «перепились», а также то, что он почему-то не удивлялся, что на Попкова и других тратятся большие суммы (будто бы не по назначению). На этом допрос и закончился. Так что сенсационных материалов Леоновым «добыто» не было; похоже, он и не очень старался, поскольку все это уже, видимо, не имело значения.

10 ноября 1950 г. подполковник Леонов составил «Заключение (по следственному делу...)»³⁹, согласовав его с полковником В. И. Комаровым, которое утвердил не кто-нибудь, а зам. министра госбезопасности СССР генерал-лейтенант Н. Н. Селивановский. С ним был согласен, «И.О. ГВП С.А.» (очевидно, эта аббревиатура означает «Исполняющий обязанности Главного военного прокурора Советской Армии»), что подтверждено его размашистой (без расшифровки) подписью синим карандашом. Рассмотрев дело, Леонов «нашел», что «МИХЕЕ-

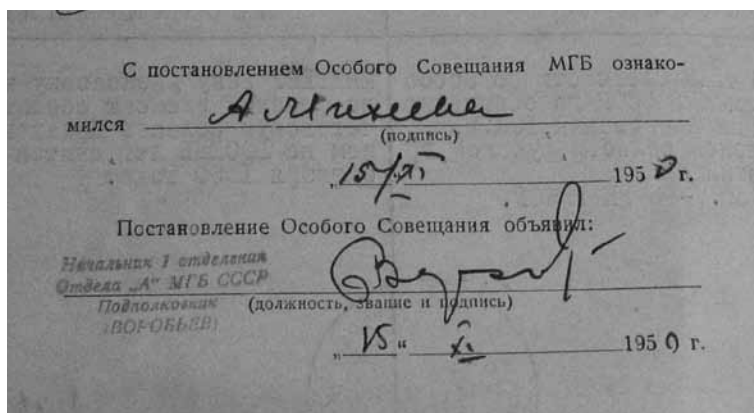

**Выписка из протокола Особого Совещания при МГБ СССР
с постановлением о ссылке А. А. Михеевой в Казахскую ССР**

ВА является женой особо опасного преступника МИХЕЕВА Филиппа Егоровича, осужденного 29–30 сентября с.г. Военной Коллегией Верховного Суда СССР. МИХЕЕВ Ф. Е. являлся участником вражеской группы, возглавлявшейся изменником Родины КУЗНЕЦОВЫМ А. А. и на протяжении ряда лет проводил вредительско-подрывную деятельность в советском и партийном аппарате Ленинграда. Будучи женой этого активного врага советского государства МИХЕЕВА А. А. находилась на его иждивении, совместно с ним проживала, в силу чего является социально опасной личностью. На основании изложенного — ПОЛАГАЛ-БЫ! Следственное дело <...> на МИХЕЕВУ А. А. направить на рассмотрение Особого Совещания при Министре Государственной Безопасности СССР, предложив сослать МИХЕЕВУ Анну Алексеевну на восемь лет в Кокчетавскую область». Так что дальнейшая судьба мамы была уже predetermined.

Приводим текст «Заключения» так подробно для того, чтобы показать железную логику следствия: сам факт проживания с мужем на его иждивении (с двумя детьми) сделал А. А. Михееву социально опасной личностью, за что она и должна была поплатиться. Зачем нужны еще какие-то доказательства вины? На следующий же день состоялся приговор Особого

Совещания при Министре Государственной Безопасности Союза ССР⁴⁰: «МИХЕЕВУ Анну Алексеевну как социально-опасный элемент сослать в Кокчетавскую область Казахской ССР на срок ВОСЕМЬ лет, считая срок с 20 октября 1950 года». С этим листочком ее под роспись ознакомили 15 ноября 1950 г., после чего последовали пересылки, нахождение более трех лет в ссылке, возвращение в Ленинград, реабилитация...

**Подпись А. А. Михеевой об ознакомлении с постановлением
Особого Совещания МГБ**

Прежде чем делать какие-либо выводы, еще раз оговоримся, что видение «ленинградского дела», изложенное в данной работе, в основном базируется на материалах, касающихся наших родителей. Ознакомление с ними можно-позволяет сделать вывод о том, что следствием во главе с В.С. Абакумовым была проделана воистину титаническая работа. Надо отметить, что у него лично были свои счеты к ленинградской партийной верхушке. Дело в том, что ленинградские обком и горком ВКП(б) посягнули на «неприкасаемость» «органов». В 1946 г. отдел кадров Ленинградского обкома ВКП(б) провел 64 проверки работы отделов и отделений МВД, МГБ и судебно-прокурорских участков, выявившие значительное число нарушений, в том числе и грубейших. Выявлены были недостатки и в системе исправительно-трудовых лагерей МВД.

По результатам проверок ряд руководящих и партийных работников органов были сняты с работы, получили административные и партийные взыскания, а несколько работников даже были привлечены к уголовной ответственности⁴¹.

Учитывая также ту работу, которую начал проводить А. А. Кузнецов в Москве по наведению порядка в работе карательных органов, нетрудно представить всю «любовь» В. С. Абакумова к ленинградцам.

Рассмотрение следственных материалов показывает, что «ленинградское дело», несмотря на весь его размах, было «сконструировано» на словах, никакой мало-мальски приличной доказательной базы не имелось, все фактически было построено на вложенных в «показания» подследственных ложных обвинениях, сформулированных следователями во исполнение указаний сверху.

Возьмем, к примеру, статью 58-1а, вмененную всем подсудимым: ни о каком «шпионаже, выдаче военной или государственной тайны, переходе на сторону врага, бегстве или перелете за границу» в документах следствия и речи не было, а статья эта так и осталась в обвинении! Кстати, версия шпионажа, видимо, все-таки отработывалась на начальном этапе следствия, поскольку отец говорил: ему приписывали шпионаж в пользу Югославии, используя тот факт, что после войны он по работе встречал в Ленинграде югославскую партийную делегацию. Но, похоже, из-за явной абсурдности этого обвинения от него отказались, и в протоколах допросов на него не осталось даже намеков.

В материалах следствия, с которыми удалось ознакомиться автору, практически не приводились какие-либо документы, подтверждающие обвинения, какие-то вещественные доказательства, которые, казалось бы, должны присутствовать в деле, обосновывая обвинения в адрес подследственных.

Не увидел автор документальных подтверждений присутствия в ленинградской партийной организации «враждебной группы»: не было никаких списков ее членов, никаких материалов, говорящих о ее «враждебных партии и государству» планах. Никаких протоколов подпольных заседаний «группы», адресов тайных явок, протоколов очных ставок, записей «прослушек» крамольных разговоров в предоставленных ему материалах следствия автор не нашел.

Зато очень четко видно, что сведения, которые были необходимы следователям, вкладывались в показания подследственных, причем, как правило, в выражениях и формулировках, им не свойственных. Бросается в глаза мощное и целенаправленное очернение людей, втянутых в жернова следствия, втапывание их в грязь. Очевидно, что перед следователями стояла задача унижить, морально раздавить арестованных, растоптать их душу. Вот здесь-то они показали, на что способны. Любые погрешности в работе, любые оговорки, любые, хотя бы незначительные, отклонения в поведении, а тем более какие-то обнаруженные человеческие слабости преувеличивались, выворачивались наизнанку, иногда доводились до абсурда, и преподносились как свидетельства «вражеской» сущности этих людей. И тем самым как бы неоспоримо подтверждалась версия о наличии в Ленинграде этой самой «антипартийной вражеской группы».

О методах, которые использовали следователи, материалы следственных дел не говорят. Все документы следствия оформлялись очень аккуратно, и в основном достаточно грамотно (за исключением, конечно, всякого рода уничижительных и оскорбительных вы-

ражений в адрес подследственных). Можно сказать, что работали специалисты своего дела. Все это говорит о том, что машина следствия и суда по «ленинградскому делу» была отменно отлажена, и механизм ее сработал очень четко, без сучка и задоринки, как и было указано «сверху».

В 1954 г., при реабилитации лиц, осужденных на главном процессе «ленинградского дела» в сентябре 1950 г., было установлено и зафиксировано, что к подследственным «применялись незаконные методы следствия — угрозы, избиения, направления в карцер, и что <...> при вызове арестованных на допрос — протоколы допросов не велись, а создавались так называемые обобщенные протоколы, которые корректировались предварительно в секретариате <...> без участия следователя, а затем давались на подпись арестованному»⁴². Именно этим можно объяснить всю «стерильность» и внешнюю правдоподобность материалов дела, поэтому и не видно было на страницах протоколов допросов ни пятен крови, ни следов бессильных слез... Но становилось жутко, когда автор пытался представить себе, что на самом деле скрывалось за этими аккуратными строчками документов...

«Выбиванием» показаний из подследственных занимались не только следователи, ведущие допрос, но и их начальники. Особым садизмом отличался полковник В. И. Комаров. Уже на первых допросах отцу стали грозить расправиться с семьей, что для любого человека является самым больным и уязвимым. Причем это звучало по-разному: то говорили о том, что семью выгонят из квартиры и заставят голодать, то, что родных репрессируют и посадят в лагерь. Намекали даже на судьбу расстрелянных детей Бухарина. Угрожали и самому отцу: мол, если не подпишет нужные признания, то даже и судить не будут, просто расстреляют в подвале и напишут официальное заключение, что умер от инфаркта. Если же вести себя правильно, то потом, после суда, тихо освободят и отпустят. Сейчас это кажется абсолютно абсурдным, но можно представить, как это могло восприниматься в тех условиях⁴³. В протоколах допросов об этом, конечно же, нет и намека.

Автору была предоставлена возможность ознакомиться с документами следственного дела А. А. Михеевой, № 4118, а также четырех томов (1, 7, 8 и 15) из пятнадцати дела № 3017 «По обвинению Кузнецова А. А., Попкова П. С., Вознесенского Н. А. и других», в основном в части, касающейся отца, Ф. Е. Михеева. Что символично, цвет обложки последнего, пятнадцатого тома, в котором находятся материалы судебного заседания, в том числе и роковой приговор, — багрово-красный, у остальных же томов — зеленоватый. Надо сказать, что на обложках томов дела автор не увидел надписи «Хранить вечно», о которой говорилось в ряде публикаций и даже в воспоминаниях некоторых репрессированных.

Кстати, ряд протоколов допросов отца были выполнены в рукописном виде, некоторые — в машинописном, а несколько из них — и в том, и в машинописном другом видах.

Хотелось бы также сказать о следующем. В сентябре 1950 г. председательствующий на суде Военной Коллегии Верховного Суда СССР И. О. Матулевич своей подписью в приго-

воре отправил на смерть шестерых невинных людей, а троих заключил в тюрьму на долгие годы, не говоря уже о других его «заслугах» в разоблачении и наказании «врагов народа». А в феврале 1954 г. он же в качестве председательствующего подписывает «Определение» № 4н-02005 Военной Коллегии Верховного суда СССР от 27 февраля 1954 г.⁴⁴, отменяющее постановление Особого совещания при МГБ СССР в отношении А. А. Михеевой и освобождающее ее из ссылки. В июне 1954 г. подпись того же И. О. Матулевича появилась и на справке о реабилитации⁴⁵ сестры отца, Михеевой Марии Егоровны, 15 марта 1952 г. отправленной Особым Совещанием при МГБ СССР в ссылку на пять лет по тому же «ленинградскому делу»! И. О. Матулевич, дослужившийся с генерал-майора юстиции в 1950 г. до генерал-лейтенанта юстиции (возможно, за «ленинградское дело?»), отделавшись легким испугом, закончил свою карьеру старшим консультантом судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР и мирно почил в 1961 г. Место захоронения его праха на Новом Донском кладбище в Москве отмечено достойной мраморной доской⁴⁶. А жертвы, отправленные им на гибель из Ленинградского дома офицеров, забытые городом, захоронены, как какие-то бездомные, на Левашовской пустоши под Ленинградом (ныне Левашовское мемориальное кладбище Санкт-Петербурга). Место их захоронения до сих пор никак не обозначено, а память о них как о людях, возглавлявших город в самые тяжелые блокадные дни, организовавших его восстановление после войны и погибших в жерновах «ленинградского дела», как и прежде, старательно замалчивается.

В 1978 г. на престижном Новодевичьем кладбище Москвы был похоронен В.М. Андрианов, ставленник и верный приспешник Г.М. Маленкова, во исполнение указаний сверху устроивший в 1949–1952 гг. в Ленинграде показательный погром и сломавший многие и многие сотни судеб⁴⁷. Рьяно выполняя порученное, он был весьма инициативен. Именно он в октябре 1950 г. лично обратился к вождю с просьбой помочь освободить Ленинград от скверны, для чего «дать указания МГБ СССР о выселении из Ленинграда семей враждебной антипартийной группы — Кузнецова, Попкова, Лазутина, Капустина и других осужденных как предателей и врагов советского народа»⁴⁸. Что незамедлительно и было реализовано.

Отрешенный в декабре 1953 г. от руководства ленинградской партийной организацией (весьма не характерно для того времени — решением объединенного пленума обкома и горкома), до 1956 г. он проработал заместителем министра Госконтроля СССР, после чего благополучно был отправлен на пенсию (очевидно, персональную)⁴⁹.

Воистину, нет предела абсурдности происходившего и происходящего.

Закончить хотелось бы проникновенными и горькими словами Даниила Гранина, прозвучавшими в финальных кадрах документального телефильма Б. А. Курковой «Ленинградская трагедия»⁵⁰: «Занимаясь “ленинградским делом”, я иногда приходил к мысли, что все это возникало как наказание городу за героическое его сопротивление, за героическую эпопею, за пережитую блокаду, за все то, что мы считаем героизмом, когда город

отстоял себя и не позволил противнику войти в этот город — колыбель революции, как его называли тогда. Это как наказание <...> Это чудовищная мысль, но невольно приходишь к ней: как наказание, как возмездие за то, что город так себя геройски проявил, за это всем руководителям города, всем, кто помогал горожанам выстоять. Вот всех постигла эта кара».

Слова эти, на взгляд автора, очень четко определили суть «ленинградского дела».

¹ Начало см.: *Михеев В. Ф., Михеев Г. Ф.* «Ленинградское дело» (по материалам следственных дел) (часть I) // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 214–232.

² Центральный архив ФСБ России (далее — ЦА ФСБ). Арх. № Р–241. Д. 3017. Т. 8. Л. 372.

³ Там же. Арх. № Р–241, Д. 3017. Т. 8. Л. 247–248.

⁴ Там же. Т. 7. Л. 249–256.

⁵ Там же. Д. 3017, Т. 1, Л. 257–259.

⁶ Там же. Т. 15, Л. 1–37.

⁷ *Болдовский К. А.* К вопросу об «экспансии ленинградских кадров» в 1946–1948 гг. // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. 2010. Вып. 3. С. 121–126.

⁸ *Вознесенский Л. А.* Истины ради. М., 2004. С. 233.

⁹ ЦА ФСБ. Арх. № Р–241. Т. 15. Л. 38–39.

¹⁰ Там же. Л. 40–41.

¹¹ Там же. Л. 50.

¹² Там же. Л. 51–161.

¹³ Там же. Л. 166–168.

¹⁴ Государственный музей политической истории России (далее — ГМПРИ). Ф. VI. 6. Воспоминания В. Ф. Михеева. С. 58.

¹⁵ ЦА ФСБ. Арх. № Р–241. Т. 15. Л. 184–186.

¹⁶ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 6. Оп. 3. Д. 742. Л. 34–36.

¹⁷ ЦА ФСБ. Арх. № Р–241, Т. 15, Л. 179–180.

¹⁸ Учетная карточка на имя Михеева Филиппа Егоровича. Ксерокопия // Государственный архив Российской Федерации.

¹⁹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 августа 1954 г. Ксерокопия // Там же.

²⁰ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. 4505. Оп. 7. Д. 1988. Л. 1. Протокол от 3 июня 1954 г. № 28, п. 3, п. п. 18.

²¹ *Кутузов В. А.* Несостоявшийся генсек // С.-Петербургская панорама. 1993. № 7. С. 33–35; *Шепилов Д. Т.* Непримкнувший. М, 2001.

²² ЦГАИПД СПб. Ф. 4505. Оп. 12. Д. 888. Л. 1. Протокол от 20 сентября 1956 г. № 50, п. 3, п. п. 3, подписан вторым секретарем обкома партии Родионовым.

²³ Семейный архив Г. Ф. Михеева.

²⁴ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 14. Д. 22. Л. 126.

²⁵ ГМПРИ. Ф. 6. Д. 2584. № В3706.

²⁶ Там же. № 747.

- ²⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 4505. Оп. 15. Д. 965. Л. 1. Протокол от 14 июля 1959 г. № 87, п. 4, п.п. 5, подписан первым секретарем обкома Спиридоновым.
- ²⁸ ЦА ФСБ. Арх. № 10. Д. 4118, Л. 2–3.
- ²⁹ Уголовный кодекс РСФСР. М., 1952. С.19.
- ³⁰ ЦА ФСБ. Арх. № 10. Д. 4118, Л. 4.
- ³¹ ГМП ИР. Ф. 6. В.с № 3709.
- ³² ЦА ФСБ. Арх. № 10. Д. 4118, Л. 9.
- ³³ Там же. Л. 5–6.
- ³⁴ Там же. Л. 15–16.
- ³⁵ Там же. Л. 14.
- ³⁶ Уголовный кодекс РСФСР. М., 1952. С. 4, 11–12.
- ³⁷ ЦА ФСБ. Арх. № 10. Д. 4118, Л. 17.
- ³⁸ Там же. Л. 18–20.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. Выписка из протокола № 53 от 11 ноября 1950 г.
- ⁴¹ *Болдовский К. А.* Аппарат ленинградской городской партийной организации в 1945–1948 гг. // *Новейшая история России.* 2011. № 2. С. 154–156.
- ⁴² ЦА ФСБ. Арх. № Р–241, Т. 15, Л. 184–186. Определение Военной Коллегии Верховного суда СССР от 30 апреля 1954 г. № 4н-004862.
- ⁴³ ГМП ИР. Ф. VI. 6. Воспоминания В. Ф. Михеева. С. 57.
- ⁴⁴ ЦА ФСБ. Арх. № 10. Д. 4118. Л. 33.
- ⁴⁵ ГМП ИР Ф. 6. № 758.
- ⁴⁶ Москва, новое Донское кладбище: [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://alya-aleksej.narod2.ru> (дата обращения: 29.01.2013)
- ⁴⁷ «Ленинградское дело» / Сост. В. И. Демидов, В. А. Кутузов. Л., 1990. С. 104–113.
- ⁴⁸ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 558. Оп. 11. Д. 66. Л. 125.
- ⁴⁹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 7.
- ⁵⁰ «Ленинградская трагедия»: Документальный сериал (Россия, 2005). Авторская программа Даниила Гранина. Проект Бэллы Курковой. Режиссер Людмила Гладкова.

Mikheev V. F., Mikheev G. F. “The Leningrad affair” (on the base of the investigatory files) (part I).

ABSTRACT: Basing on rare and hard-to-reach archive documents, authors describe the case of F. E. Mikheev, executive officer of Leningrad region and city AUCP(b) committee, that was a part of the “Leningrad affair”. The article, focused on the particularities of F. E. Mikheev’s case, also analyzes the mechanism of the “Leningrad affair” and shows some traits, common to different cases of that affair.

KEYWORDS: Leningrad affair, F. E. Mikheev, repression, Stalin, Article 58

AUTHORS: *Valeriy F. Mikheev, Georgiy F. Mikheev* — sons of the business manager of Leningrad regional committee and city committee AUCP(b) in 1940–1949; mgf-sp@yandex.ru